

— Собиралась идти «мириться», матушка Цзы Вэй велела слуге немедленно прибежать к вам!

— Мириться? — Эр Кан нахмурился, мгновенно почуяв неладное. — Сяо Яньцзы сама отправилась к императрице мириться? А что же Цзы Вэй? Разве Цзы Вэй не пошла вместе с ней?

— Барышня говорит, хочет пойти одна, не разрешила нам с Цзы Вэй следовать за ней...

Учитывая, как сильно императрица невзлюбила Сяо Яньцзы, разве это было примирение? Это же прямо пасть в тигровую пасть!

— Просто безумие! — Юн Ци переменялся в лице и, взмахнув ногой, бросился наружу. — Когда барышня ушла? Почему доложили только сейчас?!

Эр Кан с Эр Таем немедленно последовали за ним. В голосе Эр Тая звучала тревога, смешанная с твердостью:

— Это «примирение» наверняка фальшивка. Как бы Сяо Яньцзы, не забыв обиду за те палки, снова не придумала какой-нибудь «хитроумный трюк», чтобы разозлить императрицу! И почему Цзы Вэй не отговорила её, позволив ей творить глупости?!

Эр Кан тоже заволновался:

— Пойдем скорее взглянем! Как бы снова не стряслось какой беды — ее прежние раны еще не зажили, а тут новые добавятся!

Не было времени на раздумья, не было времени на колебания.

Трое переглянулись, и каждый увидел в глазах друг друга бушующие волны ужаса.

Почти в тот же миг они подобрали полы халатов и стремительно вылетели с плаца, помчавшись во весь опор в сторону обители Шуфан. Ветер свистел в ушах, дворцовые стены быстро мелькали назад.

Когда Юн Ци, Эр Кан и Эр Тай ворвались во двор обители Шуфан, Минъюэ, Цайся, Сяо Дэнцзы и остальные, словно муравьи на раскаленной сковороде, толпились у входа, вытянув шеи и глядя в сторону Дворца Куньнин.

А Цзы Вэй, поддерживаемая Цзиньсо, стояла на ступенях. Её всегда спокойное и нежное лицо сейчас было лишено всяких красок, губы едва заметно дрожали. Завидев их, она тут же наполнила глаза слезами — в них плескалась водянистая, беспомощная тревога.

— Эр Кан, прости, — голос Цзы Вэй сорвался на рыдания. — Я... я не смогла её удержать! Она упрямо твердила, что идет к императрице «мириться», что не хочет и дальше враждовать с императрицей, боится вовлечь меня... вовлечь нас... Но она же одна, а этот Дворец Куньнин... Разве императрица станет...

Дальше она не смогла говорить, лишь изо всех сил теребила в руках носовой платок.

Эр Кан шагнул вперед и утешил её:

— То, что решила Сяо Яньцзы, нам не остановить, не говоря уже о тебе. Не вини себя понапрасну.

— Когда она ушла? — оборвал его Юн Ци хриплым голосом.

— Прошло уже около палочки благовоний... — перебил Сяо Дэнцзы, чей голос дрожал. — Мы, слуги, хотели увязаться следом, но барышня отругала нас и прогнала. Мы посмели лишь издали смотреть, как она вошла в воротники Дворца Куньнин...

Палочка благовоний!

За палочку благовоний может произойти слишком многое!

— Нет, давайте лучше напрямую пойдем во Дворец Куньнин и потребуем её выдать! — выпалил Юн Ци и уже собрался бежать к воротам.

Эр Кан преградил ему путь:

— Юн Ци, нельзя. Вломиться во Дворец Куньнин силой — шутка ли.

Кулаки Эр Тая резко сжались, ногти глубоко вонзились в ладони. Он заставил себя успокоиться и обвел всех взглядом:

— Мой брат прав, остынь. К тому же из Дворца Куньнин пока не доносилось никаких звуков, не суетись. Сделай вот что: Сяо Дэнцзы, ступай во Дворец Куньнин, расспроси кого-нибудь или постой в каком-нибудь незаметном месте, а при малейшем шорохе немедленно доложи!

Получив приказ, Сяо Дэнцзы опрометью кинулся прочь.

Ожидание превратилось в самую мучительную пытку.

Юн Ци совершенно не мог усидеть на месте в главной зале обители Шуфан: словно пойманный

в ловушку зверь, он снова и снова шагал туда-сюда.

Взгляд Эр Тая был прикован к дверям. Любое дуновение ветерка, любой доносящийся издалека звук человеческих голосов или шагов заставляли его сердце замирать на мгновение, а затем проваливаться в еще более глубокую бездну оттого, что это оказывался не тот силуэт, которого он ждал. В голове помимо его воли проносились самые ужасные картины: Сяо Яньцзы дерзит императрице, и её тут же бьют по губам, заставляют стоять на коленях на холодных каменных плитах, няня Жун заставляет её по правилам бить поклоны и признавать вину, или даже запирают под каким-нибудь предлогом в темной кладовой... Или же запирают, как прежнюю Цзы Вэй, и колют её пальцы иглами...

Эр Кан усадил побледневшую Цзы Вэй и тихо утешал её, но его собственные нахмуренные брови и напряженная линия челюсти выдавали такую же снедаемую тревогу. Минъюэ и Цайся прильнули к дверным косякам, с тоской глядя вдаль и непрестанно бормоча:

— Почему она до сих пор не возвращается... Почему нет никаких вестей...

Как раз когда они обсуждали идею отправиться к Императору с просьбой о помощи, раздался знакомый, слегка неровный, но всё такой же резвый шажок. Он приближался, разбивая удушающую тишину.

Все разом повернули головы, уставившись в едином порыве на вход.

Мелькнула фигура Сяо Яньцзы, и она показалась в дверях двора.

Её головной убор из флажков перекосялся набок, жемчужные цветы растрепались, несколько прядей сломанных волос прилипли от пот к вискам, воротник наряда казался помятым — вид у нее и впрямь был довольно потрепанный. Но на лице сияла огромная улыбка, лукавая и в то же время смешанная с облегчением, а глаза блестели, как у зверька, только что выигравшего тяжелую битву.

— Ой-ёй-вей! До чего же пить хочется! Минъюэ, Цайся, быстро подайте мне чаю! Холодного!

Не успела она полностью войти, как её звонкий голос вихрем пронесся впереди, источая такую странную жизненную силу, что она мгновенно разогнала скопившуюся в комнате тяжесть.

Юн Ци бросился к ней первым. Он даже не осознавал, насколько быстрыми были его движения: в один шаг преодолев расстояние до неё, он ухватил её за плечи и принялся тревожно шарить взглядом по её лицу и телу:

— Сяо Яньцзы! Ты... ты в порядке? Императрица не чинила тебе преград? Ты не ранена? Тебя не наказали? — Его голос слегка дрожал от чрезмерного напряжения и пережитого страха. Он засыпал её вопросами, тщательно осматривая обнаженную кожу, смертельно боясь заметить

хоть малейший красный след или синяк.

Эр Тай подавил собственное рвущееся наружу нетерпение. Видя, как сильно волнуется Юн Ци, он вдруг почувствовал себя здесь лишним. Наверное, ему всё-таки следовало остаться позади них и молча охранять.

Цзы Вэй же вырвалась из поддержки Эр Кана, быстро шагнула вперед, крепко схватила Сяо Яньцзы за руки и принялась оглядывать с ног до головы, вновь заливаясь слезами:

— Сяо Яньцзы! Наконец-то ты вернулась! Ты нас до смерти напугала!

Сяо Яньцзы на мгновение опешила от такого напора, а затем прыснула со смеху, легко отстранив руки Юн Ци, вцепившиеся в её плечи, и произнесла с долей самодовольства:

— Айя, глянь-ка, как вы все испугались! Разве я не вернулась целой и невредимой? Ничего страшного, абсолютно ни единого волоска не упало!

— Правда в порядке? — Юн Ци, ничуть не обидевшись на то, что она оттолкнула его руки, всё еще не верил ей и указал на её сбившийся набок головной убор. — А эта твоя причёска...

— А, это? — Сяо Яньцзы беспечно протянула руку и поправила убор, отчего тот скопился еще сильнее. — От поклонов же! Я отбила императрице самые настоящие, звонкие поклоны! Наверное, волосы от этого и растрепались.

Она говорила так легко, словно речь шла о какой-то пустяковой мелочи.

— Поклоны? — Сердце Юн Ци снова сжалось, голос стал еще ниже: — Сколько времени она заставляла тебя стоять на коленях? Няня Жун случайно не...

— На коленях постояла немного, — Сяо Яньцзы моргнула, изобразив на лице выражение вроде «и что с того?». — Это куда лучше, чем палки получать. Сначала императрица здорово разозлилась, лицо вытянула донельзя, а няня Жун стояла рядом со взглядом острее кинжалов.

Она скорчила гримасу, сузив глаза и изображая свирепое выражение лица няни Жун, чем немного разрядила напряженную атмосферу.

— А что потом? — допытывался Эр Кан, не разглаживая бровей.

— А потом я пустила в ход свои «таланты»! — Сяо Яньцзы выпятила грудь, приняла из рук Минъюэ чашку чая, сделала глоток и принялась вдохновенно рассказывать: — Я встала на колени безупречно ровно, а вину признала искренне-преискренне! Говорю: матушка императрица, вы — добрее, милосерднее и справедливее всех на свете, а я раньше была лишь

глупой дикой ласточкой, что задела вас. Но у вас такое огромное сердце, в нем целый корабль поместится, вы ведь наверняка не станете сводить счеты с такой крошечной ласточкой, как я...

Она в лицах изобразила собственный «искренний» тон и выражение лица тогда, приправив рассказ изрядной долей утрированной лести.

Цзы Вэй слушала её то с жалостью, то с беспомощной улыбкой, и мягко добавила:

— Она наверняка наговорила уйму... поразительных вещей.

Она живо представляла себе, какую реакцию в строгом Дворце Куньнин могли вызвать эти внешне льстивые, но на деле несколько комичные «любезности» Сяо Яньцзы.

— Короче говоря, я только и делала, что говорила да признавала вину, а вид у меня был невероятно послушный, — продолжала Сяо Яньцзы, и в её глазах сверкали искорки. — Императрица отчитывала меня почему зря, но... кажется, потом её гнев поутих? Наверное, я до того заболтала её, что у неё заболела голова, а может, она решила, что спорить со мной, дурочкой, пустая трата времени? Под конец она велела мне впредь блюсти себя и вести прилично, приказала усердно учиться правилам и отпустила домой.

Она говорила об этом так небрежно, но Эр Тай, глядя на её сияющие, но не скрывающие усталости глаза, на её слегка влажные от пота виски, прекрасно понимал: всё прошло далеко не так просто и легко. Находясь в том гнетущем, суровом и строго подчиненном правилам Дворце Куньнин, перед лицом грозного авторитета императрицы и свирепого взгляда няни Жун, она в одиночку потратила уйму душевных сил, шла напролом и с помощью своей смеси искренности, безрассудства и даже легкого «плутовства» лавировала и справлялась со всем этим, чтобы в итоге добиться такого вот благополучного исхода.

Сердце, висевшее на волоске несколько часов подряд, наконец тяжело рухнуло на место.

Сяо Яньцзы посмотрела на Эр Тая, стоявшего позади всех. Она знала, что он переживал за неё не меньше остальных, просто он привык скрывать свои чувства. И раз уж столько людей бросилось вперед выказывать ей заботу, ему было достаточно лишь убедиться, что она в безопасности — право же, этот мужчина любил так трепетно, что от этого щемило сердце.

Сяо Яньцзы подошла к Эр Тай и ткнула его пальцем в плечо:

— Эр Тай, я ведь молодец, а?

Эр Тай глянул на её выражение лица в духе «ну похвали же мою сообразительность», не выдержал, согнул палец и легонько, беззлобно щелкнул её по гладкому лбу, вложив в этот жест близость и шутливый упрек:

— Ах ты! Просто дерзости тебе не занимать! Как ты вообще осмелилась пойти туда одна? Если бы... если бы что-нибудь случилось, что бы тогда делать мне... нам всем?

Его голос по-прежнему слегка подрагивал, но лед на дне глаз уже растаял, обнажив глубоко спрятанную тревогу и нежность.

Сяо Яньцзы прикрыла лоб ладонью, ойкнула, но тут же с ухмылкой придвинулась ближе, ничуть не смущаясь, ухватила его за рукав и слегка качнула, задрав голову. В её глазах плескалось торжество после завершённого приключения и капелька кокетства:

— Знаю-знаю! Эр Тай, ну не сердись больше! Видишь, я же в полном порядке? К тому же, говорю тебе, императрица теперь точно станет реже портить мне жизнь! Этот мой трюк сработал отменно, Отец-Император, когда узнает, наверняка меня похвалит.

Лучи солнца пробивались сквозь оконную решетку, падая прямо на её вскинутую в улыбке личику, озаряя капельки мелкого пота на висках и сияющий в её глазах живой, свободный от всякой мрачности свет. Свет этот был столь ослепительным и ярким, что, казалось, мог разогнать любую тьму.

Эр Тай смотрел на неё, чувствуя, как бешено колотившееся сердце наконец заполняется теплым, прочным и мягким чувством. Пока она жива и здорова, пока она может вот так беспечно улыбаться, любые, даже самые страшные бури стоили того.

Юн Ци, увидев, как Сяо Яньцзы держится за рукав Эр Тая, почувствовал в груди какую-то тягостную пустоту, словно там что-то застряло.

Цзы Вэй рассмеялась сквозь слёзы, Эр Кан покачал головой — в его уступчивости сквозило снисхождение, и он расхохотался во весь голос:

— Ну кто бы сомневался, Сяо Яньцзы! Придумать и провернуть такой способ «примирения» под небесами под силу только тебе!

Напряженная до предела атмосфера в обители Шуфан мгновенно рассеялась, сменившись облегчением чудом спасшихся людей, смехом и той тесной, согревающей душевной связью, которая свойственна лишь этой компании молодежи.

Миньюэ и Цайся снова принесли свежего чая. Сяо Яньцзы принялась жадно пить большими глотками, приукрашивая и прибавляя красок своему «героическому подвигу» во Дворце Куньнин. И хотя все прекрасно понимали, что она наверняка упустила множество опасных деталей, прерывать её не решался никто.

Лишь бы она вернулась невредимой — это и было величайшей полнотой момента.

Выйдя из обители Шуфан, Юн Ци, Эр Кан и Эр Тай не спешили расходиться и по молчаливому согласию неторопливо побрели по голубым каменным дорожкам в сторону Императорского сада. Вечерний ветерок проносился сквозь галереи и мосты Императорского сада, принося с собой едва уловимый аромат цветов.

— Она в последнее время... кажется какой-то другой, — заговорил первым Юн Ци, чей голос прозвучал в сумерках несколько тяжело, нарушая молчание.

Эр Кан скосил на него взгляд, коротко хмыкнул и с восхищением произнес:

— Подумать только, ей пришло в голову пойти к императрице «мириться», да еще и выиграть эту «битву». Вы заметили? Когда она говорила об императрице, в её голосе не было прежнего страха и враждебности, скорее...

— Дело вовсе не в самом примирении, — Юн Ци остановился и устремил взгляд вдаль — в сторону обители Шуфан. Он замолк, словно подбирая нужные слова. — После этого пробуждения она как будто отделилась от меня...

Пальцы Эр Тая в рукавах чуть сильнее сжались в кулаки. Разумеется, он заметил. Сегодня Сяо Яньцзы словно видела его присутствие: она прошла сквозь толпу прямо к нему и потребовала подтвердить, что она молодец.

Эр Кан не придавал всему этому особого значения, лишь сокрушаясь тому, что она целехонькой выбралась из Дворца Куньнин:

— Да нет же, может, она просто опьянена радостью сегодняшней «победы»? Ты часом не надумываешь лишнего?

Юн Ци покачал головой, нахмурившись:

— Эта перемена слишком внезапна. — Он повернул голову, переведя взгляд на лицо Эр Тая. — Эр Тай, а ты как думаешь? Ты всегда отличался наблюдательностью.

Сердце Эр Тая пропустило удар.

— Она... — открыв рот, Эр Тай понял, что его голос звучит сухо. Он поднял глаза и встретился с пытливым взглядом Юн Ци.

Стоявший перед ним Пятый принц был братом, с которым он рос с малых лет: они вместе учились читать и постигали боевые искусства, вместе влипали в неприятности и получали наказания, а еще вместе встретили в императорских охотничьих угодьях ту лань, что стремительно ворвалась в их жизни.

Взгляд, которым Юн Ци смотрел на Сяо Яньцзы, был слишком знаком Эр Таю — это была любовь между мужчиной и женщиной, бурная, сильная страсть Юн Ци, глубокое чувство, что, подобно его собственному, готово было преподнести к её ногам всю красоту этого мира.

А он сам?

Эр Тай горько усмехнулся про себя: его чувства всегда были тихими и сдержанными.

Он видел, что в глазах Сяо Яньцзы отражается Юн Ци, что в её сердце живет Юн Ци, поэтому он давным-давно определил для себя место — стоять позади них, протягивать руку помощи, когда она в этом нуждалась, и молча охранять в минуты её радости.

Но в последнее время что-то неуловимо изменилось.

То, как Сяо Яньцзы смотрела на него, тон, которым она с ним разговаривала, и даже та непреднамеренно сокращавшаяся дистанция между ними — всё это заставляло Эр Тая испытывать сладкое и томительное мучение.

Он боялся, что всё это лишь плод его воображения, надуманная иллюзия, а больше всего он страшился, что эти недозволенные мысли нарушат хрупкое равновесие между ними троими.

Эр Тай медленно заговорил, и его голос прозвучал в вечернем воздухе с кристальной четкостью:

— Ты вспомни, когда это она доводила дело до конца сама? Разве каждый раз всё не превращалось в кавардак, который потом расхлебывали мы? Наверное, она просто перебрала с радостью и захотела поделиться вкусом победы со всеми. Должно быть, ты веришь ей, веришь её... чувствам к тебе.

Юн Ци долго молчал и наконец кивнул:

— Ты прав. Я зря накручивал себя. — Он хлопнул Эр Тая по плечу. — Пойдем.

Они пошли вперед плечом к плечу, причем Эр Тай шагал по правую руку от Юн Ци, чуть позади на полшага — положение, к которому он привык за столько лет с самого детства, заняв позицию, позволявшую защищать её и в то же время не переходить черту.

Проводив Юн Ци, они вдвоем верхом направились обратно в резиденцию. Эр Кан и Эр Тай ехали рядом.

Эр Кан бросил боковой взгляд на брата — осадка Эр Тая при езде по-прежнему оставалась прямой, линия челюсти чуть напряжена, а взгляд устремлен в пустоту ночного пейзажа.

— Она тебе нравится, верно? — негромко произнес Эр Кан, и его слова прозвучали в тишине уличных переулков необычайно отчетливо.

Эр Тай помолчал какое-то время, а затем выдохнул:

— Брат... — голос Эр Тая звучал едва слышно. — Как ты думаешь, чувства Пятого принца к Сяо Яньцзы — искренние?

— Умыслы Юн Ци видны любому проницательному человеку, — взвешивая слова, ответил Эр Кан. — То, как он смотрит на Сяо Яньцзы, не назовешь фальшивым.

Эр Тай тихонько подтвердил:

— Мм, — и снова уставился вперед.

Узкий переулок подходил к концу, впереди уже смутно мерцал свет фонарей у входа в резиденцию ученого.

— А ты? — прямо, но оставляя простор для ответа, спросил Эр Кан.

Эр Кан заметил, как дрогнули ресницы брата, а уголки губ искривила горькая и слабая улыбка.

Голос Эр Тая был до того спокойным, что у того сжималось сердце:

— Брат, помнишь, чему учил нас Ама в детстве, когда показывал, как стрелять из лука?

Эр Тай перевел взгляд на Эр Кана: в его глазах отражалась луна и какая-то решительная ясность.

— Иная цель сколь угодно заманчива, а стрелять по ней нельзя: ты же знаешь, стоит выпустить эту стрелу, как ранишь куда больше, чем одну лишь мишень.

Ночной ветер пронесся по переулку, взметнув пару опавших листьев.

— Эр Тай, — голос Эр Кана стал глуше. — Любовь — это не стрельба из лука. Здесь нет мишеней, и никто не обречен быть «невинным».

— Порой порядок имеет значение, — так же спокойно продолжал Эр Тай. — В тот день на охоте я сразу всё понял: когда я прискакал, Юн Ци уже держал её на руках. В его взгляде читалась уверенность: он выбрал её раз и навсегда. А я... — он запнулся, кадык дернулся. — Я стоял там и вдруг понял свое место. Дело не в том, что я опоздал, просто я изначально не должен был

выступать вперед.

Эр Кан приоткрыл рот, желая что-то сказать, но понял, что не в силах произнести ни звука.

Переулок окончательно завершился, и вывеска резиденции ученого четко выделялась в сиянии фонарей.

Эр Тай ловко соскочил с лошади, передал поводья подбежавшему слуге, но в ворота входить не спешил.

Он встал у подножия ступеней и обернулся к Эр Кану, всё еще сидевшему в седле. Братья встретились взглядами в лунном свете.

— Брат, — неожиданно произнес Эр Тай тихо, почти как шуршание листьев. — Я не хочу портить нашу с Юн Ци двадцатилетнюю братскую дружбу. Я не хочу разрушать хрупкое равновесие между мной, Юн Ци и Сяо Яньцзы. Я не хочу причинять Сяо Яньцзы неудобств — она человек столь преданный и верный, если бы она догадалась, как же ей было бы больно! Если мое существование способно причинить ей боль, я себе этого никогда не прощу.

Эр Тай перевел дыхание:

— Всё то, что Юн Ци способен ей дать — статус главной жены, защиту принца, а в будущем, возможно, и нечто еще более высокое...

Эр Кан перебил его вопросом:

— А что, если бы Сяо Яньцзы выбрала тебя?

— Тогда я бы всю жизнь доказывал, что её выбор был верен. — Голос звучал тихо, но падал на землю с весомостью клятвы. — Но до тех пор я буду верно стоять на своем месте. Это единственное, что я могу для неё сделать.

Сказав это, он шагнул за ворота, и его силуэт скрылся за экраном-ширмой.

Эр Кан наконец тяжело вздохнул, соскочил с лошади и отдал поводья слуге, думая про себя: до чего же всё это горько.

Покачивая головой, он направился во внутренние дворы: как старший брат, единственное, что он мог сделать — это уважать эту жертву и вечно хранить чужую тайну.

Огни в обители Шуфан погасли.

Сяо Яньцзы, закутавшись в одеяло, сидела у окна и сквозь щель в переплёте рамы смотрела наружу. Она видела, как Юн Ци, Эр Кан и Эр Тай в полном молчании вышли вместе. Неужели столь чуткие люди всё же что-то заподозрили?

<http://bllate.org/book/22027/2290099>